

to Romano

УДК 2213
12)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ТРУДЫ, ВЫПУСК 12

п 30862

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ
памяти

Бориса Александровича
РОМАНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД

1971

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Редакционная коллегия:

Н. Е. Посов (отв. редактор),
С. Н. Валк, академик *Д. С. Лихачев*,
В. М. Панеях, *А. А. Фурсенко*

1-6-4

10—71 (I пол.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Давнее желание учеников, друзей и товарищей по работе профессора Бориса Александровича Романова посвятить его памяти специальный сборник статей осуществляется. И это тем более хочется сказать сейчас, когда еще столь недавно, 11 февраля 1969 г., мы отмечали 80-летие со дня его рождения.

Борис Александрович Романов принадлежал к числу крупнейших советских историков, носителей лучших традиций русской дореволюционной науки, поставленной на службу новой, рожденной Великим Октябрем советской историографии.

Это был ученый огромной научной эрудиции, редкого по своей силе и глубине исследовательского таланта. Тонкий и вдумчивый критик исторических источников, Б. А. всегда стремился к органическому сочетанию в своих работах широких научных обобщений и интерпретаций с их максимально полным источниковедческим обоснованием. Анализ источника никогда не являлся для него самоцелью, а всегда был подчинен задачам восстановления исторического факта, события, процесса. Для него не существовало ни прописных истин, ни готовых решений, какими бы высокими учеными мнениями они не подкреплялись, везде и всегда он стремился восстановить авторитет источника и только его считал мерилom исторической правды. В этом одна из наиболее притягательных и наиболее сильных черт его творческого метода.

Всегда обращали и обращают на себя внимание литературная манера, стиль, язык, какими написаны большинство исследований Б. А. Романова. Оригинальная и в то же время до мельчайших деталей продуманная литературная композиция, меткие, почти художественные характеристики исторических персонажей, едкая ирония, даже гротеск — и все это не ради легкости восприятия, а в целях максимально полного проникновения и осознания изучаемой им исторической эпохи. Эти литературные приемы были для него одновременно и формой, и методом исторического анализа, который, по его глубокому убеждению, невозможно строить на голом рационализме, исключаям всякое иное (художественное) восприятие исторического прошлого. Главный объект исто-

риш — человек и его деятельность, а измеряется она, как любил говорить Борис Александрович, отнюдь не по логарифмической линейке. Поэтому он всегда крайне осторожно относился к применению статистики и иных «точных» методов новейшей социологии для изучения исторических явлений, особенно древности. Историк, по его мнению, должен не только осознать, понять изучаемые им явления, но почувствовать сам дух эпохи. Без этого исследователь всегда может впасть в схематизм, а иногда и в вульгаризацию. У Бориса Александровича было одно замечательное свойство: он всегда стремился переводить сложные историко-социологические понятия (особенно иностранные термины) с ученого философского языка на простой разговорный русский язык, причем от этого «перевода» существо того или иного понятия обычно только выигрывало, оно как бы сбрасывало с себя метафизическую оболочку (а заодно и излишнюю ученость) и наполнялось реальным содержанием, становилось не только «истиной в себе», но и истиной для всех.

Нельзя не сказать, наконец, и о весьма необычной «историографической судьбе» Б. А. Романова как историка России древнего и нового времени.

Воспитанник Петербургского университета (окончил в 1912 г.), ученик А. Е. Преснякова, Борис Александрович еще в студенческие годы зарекомендовал себя как талантливый исследователь древней Руси. Но очень скоро он переходит на иную научную стезю — становится исследователем империалистической политики российского самодержавия начала XX в. Это был не просто смелый научный эксперимент молодого ученого, а его ответ на требования новой революционной эпохи, нового общественного самосознания. Последствия этой тематической «переориентации» Бориса Александровича, как и подобной же (хотя и не столь радикальной хронологически) научной «переориентации» многих его товарищей по Центральному государственному архиву, где он служил в начале 20-х годов, имели в его творческой биографии решающее значение. Во всяком случае именно она дала Борису Александровичу возможность перенести (в сугубо конкретном — профессионально-историческом плане) источниковедческие приемы и традиции старой русской медиевистической школы, столь сильной именно в Петербургском университете, на научную целину новых исторических проблем и гигантских архивных богатств XX в., заново и впервые открытых Великим Октябрем для исследователей предреволюционной России.

Борис Александрович был не только одним из первых издателей архивных документов по истории России начала XX в., главным образом по истории экономической и финансовой политики царизма, но и одним из первых их ученых исследователей, продолжавшим поистине огромную «черную работу» по их сбору, изучению и обработке, а иногда и вообще просто «откры-

тию» их для науки. В этом смысле о Б. А. Романове вполне можно говорить как об ученом, стоящем на пороге рождения советской, марксистской историографии русского империализма, одним из ее создателей. Но в отличие от М. Н. Покровского, многие ученики и тогдашние последователи которого начинают активно заниматься историей русского империализма уже в середине 20-х годов, Б. А. Романов с первых же шагов своей ученой деятельности в области новейшей отечественной истории шел по иному пути: он исходил не из необходимости отыскания документального материала для подтверждения и развития тех или иных исторических концепций, выработанных школой М. Н. Покровского преимущественно теоретически и в своей основе вне этого материала, а полагал важным сперва произвести максимально широкую первичную обработку всех архивных материалов по истории русского империализма, особенно в области его (говоря словами Бориса Александровича) «высшей первичной деятельности» — в сфере финансово-экономической (возможность, которой тогда не обладал ни один западный исследователь американского и европейского империализма), — и лишь потом перейти к их научному осмыслению. Это он и попытался сделать, но только через десять лет упорного труда в фондах государственного архива, и то первоначально лишь применительно к дальневосточной политике царизма. Зато когда в 1929 г. вышло из печати его первое крупное исследование по этим вопросам — «Россия в Маньчжурии», — оно сразу же, уже в силу своей фундаментальности и новизны, оказалось в центре внимания научной общественности. И хотя ряд положений Б. А. Романова вызвал первоначально серьезные возражения, книга в целом получила широкое признание в советской и зарубежной науке. И, что хочется особо подчеркнуть, успешно выдержала проверку временем. Не случайно уже после смерти Бориса Александровича руководитель советской школы историков империалистической России профессор А. Л. Сидоров характеризовал эту первую крупную монографию Романова как образец марксистского исследования империалистической политики царизма, в первую очередь ее экономических предпосылок. «У Б. А. Романова не было предшественников в создании подобного рода исследований, — подчеркивал А. Л. Сидоров, — и здесь его учителями являлись только произведения В. И. Ленина и сама жизнь». Большой вклад Б. А. Романова в марксистскую историографию по истории международных отношений на Дальнем Востоке отмечал и академик Е. М. Жуков.

Но еще большее научное значение имеет второй капитальный труд Б. А. Романова — «Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907 гг.» (первое издание — 1947 г., второе, исправленное и дополненное — 1955 г.), в котором он как бы подводит итог своей многолетней и столь плодотворной

деятельности по изучению империализма в России. На этой книге училось и учится не одно поколение советских исследователей. Высокую оценку получили эти исследования Бориса Александровича и в прогрессивной зарубежной историографии.

Итак, есть все основания говорить об исследованиях Б. А. Романова в области истории России конца XIX—начала XX в. как о важнейшей вехе не только в его творческой биографии. Их большое и плодотворное влияние на становление новейшей советской историографии по истории империализма в России бесспорно. Но самое замечательное, что, казалось бы, столь крутой поворот в область истории России XX в. отнюдь не ликвидировал у Бориса Александровича его «старого» интереса к древнерусской истории. Наоборот, именно в исследованиях «модерн» он обрел новые силы и новые возможности для занятий своей «первой специальностью» — историей древней Руси. А к этой тематике он вернулся уже в предвоенные годы и особенно активно работает над ней, наряду с продолжением изысканий по дипломатической истории русско-японской войны, в конце 30-х—начале 50-х годов — в период своей наивысшей творческой отдачи. В эти трудные для него годы, годы войны, эвакуации, а вскоре и резкого ухудшения зрения, Борис Александрович начинает работать по предложению академика Б. Д. Грекова над комментариями к академическому изданию Русской Правды (опубликованы в 1947 г.), а затем и Судебника 1550 г. (опубликованы в 1952 г.), которые по своему научному значению и объему выполненной работы, по существу, выросли в специальные исследования этих двух важнейших этапов (Киевского и Московского) истории феодальной Руси. Особенно значительной была проведенная им социально-правовая аналитика Киевского периода русской истории. Труд гигантский и предельно сложный по своей проблемно-источниковедческой направленности и результативности, тем более что Борис Александрович поставил себе целью не только подвести итоги всей огромной работы, проделанной в русской дореволюционной и советской историографии по изучению социально-правового строя Киевской Руси, но и сказать свое слово по этой кардинальной теме всей древнерусской истории. Справился он с этим успешно. Достаточно сказать, что ему удалось не только подвергнуть критической перепроверке, но и внести ряд серьезных коррективов в господствовавшие до него взгляды на многие узловые проблемы развития феодализма в древней Руси, в том числе и во взгляды самого Б. Д. Грекова, в то время уже признанного главы советской марксистской медиевистики, которому по праву принадлежит разработка общей теории становления и развития феодализма в России.

В конце 40-х годов вышла и другая, не менее знаменательная, особенно в источниковедческом плане, работа Б. А. Романова — его книга «Люди и нравы древней Руси» (1947 г.). Своеобразная

авторская «лебединая песнь», далеко не сразу понятая ее современниками, но столь созвучная новым творческим исканиям новейшей советской историографии.

И действительно, в этой книге особенно ярко предстает перед нами большая, сложная и многогранная фигура Бориса Александровича. Талант яркий, резкий и крайне индивидуальный. Талант острый мысли и еще более острых, почти оголенных чувственных восприятий. И при всем том личность исключительно цельная, поражающая своей целенаправленностью и единством гармонии исследовательского разума и исследовательского чувства.

Б. А. Романов был не только автором блестящих работ по истории «древней» и «новой» России, но и замечательным педагогом, создателем целой школы молодых советских исследователей отечественной истории. Как его книги неотделимы от его педагогической деятельности, так и его педагогическую деятельность невозможно понять вне его творческой исследовательской лаборатории. Академия наук и Ленинградский университет — вот те две научные платформы, с которыми многие годы был связан Борис Александрович и на которых были созданы его лучшие исследования, задуманы и отданы в наследие молодому поколению его лучшие мысли, замыслы и начинания.

Статьи настоящего сборника различны по тематике, они охватывают многие и разные периоды отечественной истории, истории России. В них идет речь о проблемах Киевской Руси и эпохи московского царства, XIX в. и истории первой русской революции 1905—1907 гг. Но именно всех этих проблем касался Борис Александрович. И, может быть, скромный вклад авторов настоящего сборника будет напоминанием о замечательной деятельности этого большого советского ученого, скромного человека, отдавшего все свои жизненные силы, весь свой труд борьбе за высокое звание русского историка.

Всю свою жизнь Борис Александрович безотказно служил «историческому ремеслу», и лучшей радостью для него всегда были успехи советской историографии, успехи науки и мысли. Он верил в человека, и в этом была несокрушимая сила его научного оптимизма, оптимизма новой революционной эпохи.

Н. Е. Носов.

Ленинград
1970 г.